

На правах рукописи

Ануфриева Анастасия Сергеевна

**Отражение актов политико-символической коммуникации
в сочинениях оттоновского времени**

Раздел 07.00.00 – исторические науки

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре истории средних веков исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: **Бойцов Михаил Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, заведующий Научно-учебной лабораторией медиевистических исследований ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»».

Официальные оппоненты: **Сидоров Александр Иванович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН.

Мереминский Станислав Григорьевич, кандидат исторических наук, заведующий группой проверки и информации ЦНЦ «Православная энциклопедия».

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».**

Защита состоится «__» _____ 2017 года в ____ часов на заседании Диссертационного совета Д. 501.002.12 по всеобщей истории на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (Шуваловский корпус), исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27), а также на официальном сайте исторического факультета по адресу: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Anufrieva.htm>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 года.

Ученый секретарь Диссертационного совета, кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

Актуальность темы исследования. Одна из наиболее значительных дискуссий в медиевистике последних десятилетий велась о том, как следует подходить к изучению описаний политических ритуалов раннесредневековыми сочинителями. Исследователи задались вопросом: если подход средневековых сочинителей мешает изучать ритуалы, запечатленные в их текстах, поскольку те существенно переосмыслились и трансформировались в их повествовании, то почему бы не превратить в объект исследования сами эти «текстовые практики»¹? Именно индивидуальная авторская интерпретация ритуала репрезентации власти может служить важным свидетельством о политических реалиях эпохи, – если рассматривать данные описания не столько как запечатление подлинных событий, сколько как элемент повествования, сцену, конструируемую сочинителем в соответствии с его воззрениями и задачами.

Данная дискуссия – новое выражение неизменно актуальных для историков проблем анализа субъективных исторических свидетельств, поиска подходов к их интерпретации исследователем. Эти методологические вопросы становятся все более актуальными и для всего современного общества, перед которым остро встает проблема поиска ориентиров в информационном пространстве.

Объектом исследования является полный корпус историографических сочинений, созданных в период с 950х гг. по пер. пол. 970х гг., в окружении Оттона I, государя Саксонской династии (именуется также династией Людольфингов или династией Оттонов), короля Восточно-франкского королевства, в 962 г. коронованного в Риме императором.

Предмет исследования – описанные в данных сочинениях акты политико-символической коммуникации² – публичные сцены, в которых при помощи

¹ Buc P. *The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton; Oxford, 2001. Рецензии на монографию Ф. Бюка: *Koziol G. The Dangers of Polemic: Is Ritual Still an Interesting Topic of Historical Study?* // *Early Medieval Europe*. 2002. № 11. P. 367 – 388; *Spiegel G.M. Philippe Buc. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Review* // *American Historical Review*. 2003. Vol. 108, № 1. P. 148-149; *Walsham A. The Dangers Of Ritual* // *Past and Present*. 2003. № 180. P. 277 – 287. Другие важные работы, затрагивающие данную проблему: *Бойцов М.А. Величие и смирение*. М., 2009. С. 203; *Dörrich C. Poetik des Rituals*. Darmstadt, 2002.

² В основе используемого нами обобщающего термина лежит понятие «символическая коммуникация», введенное в научный оборот в публикациях конца 1990х гг. немецкого медиевиста Г. Альтхофа и определенное им как «способ невербального взаимодействия между людьми посредством знаков, наделенных устойчивыми функциями и смыслами»: *Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde*. Darmstadt, 1997. S. 232.;

различных символических объектов, условных жестов, словесных формул происходило взаимодействие государей, светской и церковной знати, «народа». По отношению к данным сценам не всегда применимы термины «политический ритуал» или «церемония», подразумевающие устойчивый, регулярно воспроизводящийся порядок символических действий. В исследовании рассматриваются также и уникальные, не повторявшиеся символические акты.

Цель работы – выявить особенности символической репрезентации власти первых правителей династии Людольфингов в свидетельствах нарративных источников данного периода об актах политико-символической коммуникации.

В связи с данной целью были сформулированы основные задачи исследования.

Первая задача – определить, какие эпизоды политической истории были выбраны историографами оттоновского времени для описания их в качестве действий, обладавших повышенным символическим значением, и с чем был связан такой выбор. Проанализировать, в каких регионах происходили данные события и к какому времени относились, выявить наличие или отсутствие прямых или косвенных отсылок в таких свидетельствах к политическим реалиям оттоновской эпохи.

Вторая задача – установить, имелись ли у авторов данного круга какие-либо общие представления о символической репрезентации власти, и если имелись, то в чем они заключались. Для этого необходимо выяснить, какие виды ритуалов и символических актов упоминались разными авторами оттоновского времени и насколько часто, как выстраивались ими описания различных видов символических актов, какие элементы символических сцен запечатлевались как наиболее значимые, насколько подробными были описания тех или иных символическо-коммуникационных ситуаций.

Третья задача - выявить индивидуальные приемы, использовавшиеся каждым из сочинителей при описании символических актов в зависимости от его личных черт, убеждений, политических симпатий и целей, определить, какими средствами и в каком направлении историограф невольно или намеренно воздействовал на

сознание читателя, расставляя собственные акценты при описании символических актов или даже вовсе «конструируя» их.

Хронологические рамки исследования. Основное внимание в диссертации сосредоточено на событиях времени правления двух первых королей Восточно-Франкского королевства из Саксонской династии - Генриха I (919-936 гг.) и Оттона I (936-973 гг.), в 962 г. принявшего титул императора. Данный период особенно подходит для изучения форм политического символизма, поскольку на него приходится появление и утверждение новой династии, стремительно набиравшей влияние. В тех случаях, когда описания символических актов предшествовавшего периода (преимущественно вт. пол. IX – нач. X вв.) специально рассматривались историографами оттоновского времени в качестве аналогий к тем или иным событиям их времени, были проанализированы также и эти сцены.

Методологическая основа исследования. Для выполнения задач, поставленных в данной работе, были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический методы, позволяющие проанализировать как индивидуальные, так и общие черты, характерные для описаний актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени, установить связи между целями авторов и их подходами к описанию.

Изучение актов символической коммуникации как части политической культуры средневековья связано с направлением «потестарной имагологии», исследующей символические образы как выражение политических идей³. На методологию исследования также оказали определенное влияние идеи представителей постструктуралистской школы, в частности Ф. Бюка и других исследователей⁴, утверждавших, что изучение описаний раннесредневековых политических ритуалов связано не только (а подчас – и не столько) с «историей

³ В отечественном историографическом контексте этот термин был введен в оборот и активно использовался в работах: *Бойцов М.А.* Величие и смирение... С. 14-15; *Он же.* Что такое потестарная имагология? // *Власть и образ. Очерки потестарной имагологии* / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 5—37. Осмыслению значения символического в культуре средневековья посвящены работы отечественных классиков истории культуры: *Карсавин Л.П.* Символизм мышления и идея миропорядка в средние века // *Карсавин Л.П.* Монашество в средние века. М., 1992. С. 158-175; *Аверинцев С.С.* Символика раннего средневековья (К постановке вопроса) // *Аверинцев С.С.* Другой Рим. СПб., 2005. С. 59 – 90.

⁴ Подробнее об этом направлении: *Вис Р.* The Dangers of Ritual...; *Warner D.A.* Rituals, Kingship and Rebellion in Medieval Germany // *History Compass.* 2010. № 8. P. 1215-1216; *Потапова Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии. СПб, 2015. С. 194-302.

событий» (“Ereignisgeschichte”), но и с «историей представлений» (“Vorstellungsgeschichte”)⁵. Однако мы в большей степени ориентируемся на труды представителей немецких школ изучения средневековых ритуалов, связанных с университетами Мюнстера и Гейдельберга. В ряде их работ убедительно совмещаются элементы «скептического» подхода к субъективным искажениям в нарративных источниках с традициями фундаментальных исследований политической истории⁶.

Основные источники, анализируемые в работе, – нарративные сочинения, созданные авторами эпохи Оттона I. Если в первые десятилетия правления Людольфингов в их окружении не было написано масштабных исторических сочинений, 950е-970е гг. стали периодом бурного расцвета оттоновской историографии⁷. Говоря об «оттоновской историографии» мы подразумеваем исторические сочинения, созданные прежде всего в период правления Оттона I, в отличие от академической традиции распространять это определение на всю эпоху Саксонской династии⁸.

⁵ Goetz H.-W. “Vorstellungsgeschichte”: Menschliche Vorstellungen und Meinungen als Dimension der Vergangenheit. Bemerkungen zu einem jüngeren Arbeitsfeld der Geschichtswissenschaft als Beitrag zu einer Methodik der Quellenauswertung // Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 61. 1979. S. 253-271.

⁶ Подробнее о деятельности мюнстерской особой области исследования SFB 496 «Символическая коммуникация и общественные системы ценностей от Средневековья до Французской революции»: Ануфриева А.С. Всего лишь символически?... С. 440-444; о гейдельбергской особой области исследования SFB 619 «Динамика ритуала» – Scheidmüller B. Investitur- und Krönungsrituale: Mediaevistische Ein- und Ausblicke // Investitur- und Krönungsrituale: Herrschaftseinsetzungen im kulturellen Vergleich / Hrsg. von M. Steinicke, S. Weinfurter. Köln; Weimar; Wien, 2005. S. 475-488. Обе школы объединили исследователей из различных регионов Германии и других европейских стран, причем не только историков, но и представителей ряда смежных дисциплин.

⁷ Основными обобщающими работами, посвященными оттоновской историографии, на сегодняшний день являются: Karpf E. Herrscherlegitimation und Reichsbegriff in der ottonischen Geschichtsschreibung des 10. Jahrhunderts. Stuttgart, 1985. (Historische Forschungen, [10]); Vaerst K. Laus inimicorum oder Wie sag' ich's dem König? Erzählstrukturen der ottonischen Historiographie und ihr Kommunikationspotential. (Wissenschaftliche Schriften der WWU Münster, [10, 3]). Münster, 2010. Подробный аналитический обзор этих сочинений даётся также в монографии: Körntgen L. Königsherrschaft und Gottes Gnade. Zu Kontext und Funktion sakraler Vorstellungen in Historiographie und Bildzeugnissen der ottonisch-frühsalischen Zeit. (Orbis mediaevalis. Vorstellungswelten des Mittelalters, [2]). Berlin, 2001. S. 31–155. и в диссертации: Isabella G. Modelli di regalità nell'età di Ottone I (Tesi di dottorato in Storia Medievale). Bologna, 2007.

⁸ Ср. напр. Giese M. Die Historiographie im Umfeld des ottonischen Hofes // Die Hofgeschichtsschreibung im mittelalterlichen Europa. Projekte und Forschungsprobleme / Hrsg. von R. Schieffer, J. Wenta (Subsidia Historiographica, [3]). Toruń, 2006. S. 19-37. Эта исследовательница определяет авторов, сочинения которых анализируются в нашей работе, как первое поколение оттоновских историографов. Ibid. S. 21-22, 36.

Рассмотрены все основные историографические сочинения данного периода, а также хроника и два жития, по ряду черт близкие к жанру историографии: труды Лиутпранда Кремонского «Антаподосис» (958–962 гг.), «История Оттона» (964 г.) и «Донесение о посольстве в Константинополь» (969 г.), сочинение Видукинда Корвейского «Деяния саксов» (967/968 – 973 гг.), продолжение «Хроники» Регинона Прюмского, созданное Адальбертом Магдебургским (966 – 967 гг.), историческая поэма Хросвиты Гандерсгеймской «Деяния Оттона» (965 – 967/968 гг.), агиографические памятники, посвященные членам царствующего рода: жития супруги Генриха I Матильды (*Vita Mathildis reginae antiquior*, вероятнее всего, ок. 973 – 983 гг.⁹) и младшего брата Оттона I, Бруно, архиепископа Кёльнского, написанное Руотгером Кёльнским (967 – 969 гг.).

Кроме того, в качестве материала для сопоставления привлекаются фрагменты из **дополнительных источников** различных видов и периодов. Среди них – памятники античной литературы, раннесредневековые сочинения времени, предшествовавшего оттоновской эпохе (вт. пол. IX - нач. X в.), происходившие из Западно-франкского королевства и Италии, византийский трактат X в. «Книга церемоний», сочинения германских историографов и хронистов последующих эпох.

Степень изученности проблемы. Поиск подходов к изучению раннесредневековой репрезентации власти на основе анализа субъективных свидетельств в нарративных источниках активно шел в медиевистике на протяжении последних десятилетий.

Уже М. Линцель в своих работах середины XX столетия рассматривал в числе важнейших задач поиск скрытых мотивов, руководивших авторами оттоновской эпохи, выявление их политических пристрастий и антипатий, - и того, как это отражалось на исторических свидетельствах, нередко являвшихся в действительности не более, чем продуктом воображения того или иного историографа¹⁰.

⁹ Существовала также и вторая, «поздняя» версия сочинения, созданная уже за пределами рассматриваемого хронологического промежутка. О проблеме датировки подробнее см. *Isabella G. Modelli di regalità...* P. 50–52.

¹⁰ *Lintzel M. Designation, Königsheil, Wahl und „Kur“ Heinrichs I. // Idem. Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1961. S. 240-260; Idem. Die politische Haltung Widukinds von Korvey, Sachsen und Anhalt // Ibid. S. 316-346; Idem. Studien über Liutprand von Cremona // Ibid. S. 351-398.*

Однако активное изучение данной проблематики в немецкой историографии берет начало все же с 1980х-1990х гг. Соотношение политических реалий и их отображения в историографических свидетельствах оттоновского времени исследовал в сер. 90х гг. Х. Келлер, уделив внимание в том числе и политическим ритуалам. В частности, в своей программной и оказавшей большое влияние статье, посвященной свидетельству Видукинда о коронации Оттона I в 936 г., этот исследователь убедительно показал, что в основе данного знаменитого описания, вероятнее всего, лежали впечатления историографа от более позднего символического акта – коронации Оттона II в 961 г.¹¹ Картины, описываемые оттоновским автором, анализировались в этой работе как сложные конструкты, в которых тесно переплетались элементы реальных событий и литературной традиции, свидетельства очевидцев-современников и анахронизмы.

Примерно тогда же Й. Фрид высказывал сомнения в том, насколько свидетельства нарративных источников применимы для реконструкции политических ритуалов прошлого. Так, он справедливо указывал на временной разрыв между свидетельствами оттоновских историографов, работавших в 950х-960х гг., и запечатленными в них символическими актами эпохи Генриха I (919-936). На примере эпизода поставления королем первого государя-Людольфинга в 919 г. Й. Фрид выразительно показал, как описание этого символического акта трансформировалось в восприятии авторов последующих десятилетий под влиянием актуальных для них политических реалий¹².

Немецкий историк того же поколения Г. Альтхоф в меньшей степени касался в своих исследованиях проблем субъективной авторской интерпретации символических актов, но сосредоточил внимание на другом важнейшем для нашей работы вопросе: он предложил рассматривать средневековые политические ритуалы как средство «символической коммуникации». В основе подхода этого исследователя лежало представление о политическом ритуале как о своеобразной инсценировке, осуществленной по предварительной договоренности между ее

¹¹ Keller H. Widukinds Bericht über die Aachener Wahl und Krönung Ottos I. // Frühmittelalterliche Studien Bd. 29. 1995. S. 390-453.

¹² Fried J. Die Königserhebung Heinrichs I. Erinnerung, Mündlichkeit und Traditionsbildung im 10. Jahrhundert // Mittelalterforschung nach der Wende 1989 / Hrsg. von M. Borgolte, München, 1995. S. 267-318; *Idem.* Der Pakt von Canossa. Schritte zur Wirklichkeit durch Erinnerungsanalyse // Die Faszination der Papstgeschichte. Neue Zugänge zum frühen und hohen Mittelalter / Hrsg. von W. Hartmann, K. Herbers. Köln; Weimar; Wien, 2008. S. 133-197.

участниками и соответствовавшей строго определенным нормам – которые Г. Альтхоф обозначил как «правила игры»¹³. Наблюдения Г. Альтхофа позволили существенно углубить понимание прагматических мотивов, стоявших за актами символической коммуникации, противоборства интересов участников данных сцен.

Новым импульсом для активного обсуждения особенностей субъективной авторской интерпретации в раннесредневековых описаниях политических символических актов послужила монография французского медиевиста Ф. Бюка «Опасности ритуала» (2001 г.)¹⁴. В ней автор убедительно показал, что средневековые авторы, описывая ритуалы в соответствии со своими политическими задачами, могли изменять ключевые детали, а подчас – даже полностью конструировать в своих текстах символические акты, не имевшие места в действительности¹⁵. По мнению французского исследователя, историк, основываясь на таких сообщениях, не имеет возможности достоверно восстановить ход ритуала.

В 2002 г., была опубликована работа К. Дёррих «Поэтика ритуала», в которой политические ритуалы средневековья также рассматривались в тесной связи с их литературным отображением¹⁶. В центре внимания исследовательницы было то, как различные символические элементы могли быть целенаправленно «организованы и скомбинированы» по определенным принципам и с использованием специфических стратегий, - как в реальной практике, так и прежде всего в литературном отображении данных сцен¹⁷.

Тему раннесредневековых ритуалов изучали также в тесной связи с темой исторической памяти, рассматривая их как одно из важнейших средств сохранения (и, при необходимости, незаметной «корректировки») образа того или иного

¹³ Этот термин он вынес в название сборника своих программных работ: *Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde.* Darmstadt, 1997.

¹⁴ *Buc P. The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory.* Princeton; Oxford, 2001.

¹⁵ Один из примеров такого «конструирования» ранее был рассмотрен в моем докладе: *Ануфриева А.С. Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения».* СПб., 2013. С. 5–8.

¹⁶ *Dörrich C. Poetik des Rituals...*

¹⁷ *Ibid.* S. 141-142.

важного политического события в сознании общества. Именно в этом направлении ведут исследования на основе сюжетов из оттоновской историографии, опубликованные американским историком Д. Уорнером¹⁸.

Вышеупомянутые исследователи обращались и к отдельным эпизодам из произведений оттоновских историографов (как Х. Келлер в его исследовании описания королевской коронации у Видукинда), и к сопоставлению нескольких различных описаний символических актов (Г. Альтхоф подробно анализировал свидетельства разных авторов о ритуале примирения Оттона I с непокорными вассалами¹⁹, в монографии Ф. Бюка были рассмотрены некоторые из описаний политических ритуалов у Лиутпранда²⁰). Однако комплексного изучения описаний всех типов актов политико-символической коммуникации в каждом из нарративных памятников оттоновского периода проведено не было, что существенно ограничивало исследователей в возможностях поиска аналогий у разных авторов или же, напротив, противоречий между ними, а тем самым, и в выявлении общих и индивидуальных авторских черт таких описаний.

В отечественной историографии тема символической репрезентации власти освещена в меньшей степени. Лишь начиная с 1990-х гг. в российской медиевистике стал проявляться постепенно все более нарастающий интерес к ней, в том числе и к исследованиям политических ритуалов.

Исследования в этой сфере стали проводиться, в частности, участниками исследовательской группы «Власть и общество», созданной в 1992 г. в рамках Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени²¹. Заслугой этой группы историков является введение в отечественный научный оборот понятийного аппарата, связанного с проблематикой символической репрезентации власти, осмысление проблемы придворного церемониала как отражения трансформаций властных структур. Основное внимание при этом уделялось прежде всего сюжетам, связанным именно с позднесредневековой

¹⁸ Warner D.A. Ritual and Memory in the Ottonian Reich: The Ceremony of Adventus // *Speculum*. Vol. 76. № 2. 2001. P. 255-283; *Idem*. Rituals, Kingship and Rebellion...; *Idem*. Reading Ottonian History: The Sonderweg and Other Myths // *Challenging the boundaries of medieval history: the legacy of Timothy Reuter* / Ed. by P. Skinner. Turnhout, 2009. P. 81-114.

¹⁹ Althoff G. Spielregeln... S. 99-125

²⁰ Buc P. The Dangers of Ritual... P. 15-50.

²¹ Важнейшие сборники, посвященные данной проблематике: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб, 2001; Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006.

символической репрезентацией власти и изменениям, которые она претерпевала в раннее Новое время.

Наибольшее внимание проблемам «потестарной имагологии» среди российских исследователей на сегодняшний день уделяет М.А. Бойцов. В своей опубликованной в 2009 г. монографии «Величие и смирение»²² он проанализировал ряд символических образов, связанных с репрезентацией власти в позднее средневековье, исследовал их формирование и изменение на протяжении средневековья, дал их истолкование и изучил, как политические реалии отражались в символических актах.

Сравнительно немного в российской медиевистике и работ, посвященных оттоновскому периоду. Ключевыми трудами в отечественной медиевистике по политической истории средневековой западной империи, в которых в той или иной степени затрагивалась держава Оттонов, стали монографии А.И. Неусыхина²³ (через исследования аграрных сюжетов выходившего на широкий круг социально-политических проблем германских земель) и Н.Ф. Колесниченко²⁴ (впервые в советской медиевистике обратившегося непосредственно к политической истории оттоновской империи). Кроме того, начиная с 1970-х гг. было опубликовано несколько переводов сочинений времени Оттонов на русский язык, сопровождавшихся анализом контекста их создания²⁵, однако эти работы являются скорее компиляцией справочных материалов, почерпнутых в западноевропейской медиевистике, нежели оригинальными исследованиями, а в отдельных случаях содержат серьезные неточности²⁶. Кроме того, в ряде отечественных исследований, посвященных раннесредневековому историописанию иных периодов и регионов

²² Бойцов М.А. Величие и смирение...

²³ Неусыхин А.И. Очерки истории Германии в средние века (до XV в.) // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 212-374.

²⁴ Колесниченко Н.Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии IX – пер. пол. XII вв. М., 1959; *Он же*. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.

²⁵ Кузнецова Т.И. Лиутпранд Кремонский // Памятники средневековой литературы X-XII вв. / Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 55-57; Санчук Г.Э. Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального немецкого государства // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 231-245; *Он же*. Предисловие // Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М. 1975. С. 6-63; Дьяконов И.В. Введение // Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. М., 2012. С. 6-12.

²⁶ См.: Шмараков Р.Л. Рец. на кн.: Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о Посольстве в Константинополь // Средние века. 2012. № 73 (3 – 4). С. 420 – 424; Ануфриева А.С., Борисов Г.И. Перевод «Донесения о посольстве в Константинополь» Лиутпранда Кремонского из фонда академика Ф.И. Успенского // Византийский временник. 2015. Т. 74 (99). С. 325.

латинского Запада, освещены проблемы, принципиальные в том числе и для оттоновской эпохи²⁷.

Научная новизна. Свидетельства об актах политико-символической коммуникации оттоновской эпохи впервые рассматриваются в работе на основе полного комплекса историографических сочинений данного периода, с учетом всех описанных в них типов символических актов. Несмотря на наличие исследований, где анализировались отдельные примеры таких описаний, комплексный подход к изучению представлений оттоновских историографов об актах политико-символической коммуникации до сих пор не применялся. Кроме того, использованные в данной работе методы анализа нарративных источников, хотя и опираются на исследования Г. Альтхофа и Ф. Бюка, являются результатом переосмысления и синтеза этих несхожих между собой концепций, поиска более взвешенного, чем у их авторов, подхода, который учитывал бы влияние авторской субъективности, и одновременно давал возможность понять особенности реальной политической истории оттоновского периода.

Теоретическая значимость. Данная работа значима для более глубокого осознания природы власти, характера политических процессов, особенностей политического символизма и принципов коммуникации в раннесредневековой Европе. Она также позволяет глубже понять принципы работы средневековых историографов. Представленные в ней материалы и выводы могут привлекаться для сопоставления в дальнейших исследованиях политической истории оттоновской эпохи, а также при изучении элементов «политического символизма» в других регионах и в другие периоды средневековой истории. Исследовательские подходы, примененные в диссертации, могут служить основой для дальнейшего развития методологии анализа раннесредневековых нарративных источников при учете субъективности данных свидетельств и особенностей индивидуальных

²⁷ См. напр.: *Филиппов И.С.* О новых подходах к исследованию раннесредневековых источников // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. М., 1995. С. 108-118; *Сидоров А.И.* Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII-X в.). СПб., 2015; *Он же.* Книги по франкской истории в культурном пространстве Каролингской империи: актуальный запрос на прошлое // Люди и тексты: исторический альманах. 2013: Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014. С. 12 – 35; *Мереминский С.Г.* *Historiarum collatio*: рецепция предшествующей традиции в западноевропейском историописании “долгого XII века”. Средние века. 2013. № 74 (2-3). С. 90-107; *Сидорова В.В.* Природные достопримечательности глазами средневековых путешественников и хронистов (по французским историческим сочинениям X-XI в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. № 3. С. 20 – 30.

авторских подходов. Также результаты исследования могут быть применены как компаративный материал в работах по политологии, социологии, антропологии.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы в преподавании, в частности для подготовки лекционных курсов и семинаров по истории Средних веков, истории Германии, религиоведению, источниковедению, истории исторического знания, истории культуры в целом и ментальностей в частности. Выполненный в работе перевод фрагментов источников и их анализ может служить подспорьем для подготовки новых уточненных и комментированных полных переводов сочинений оттоновского времени на русский язык.

Структура работы. В соответствии с выбранной методологией работа структурирована по тематическому принципу, в ней последовательно рассматриваются различные виды актов политико-символической коммуникации, отраженных в сочинениях оттоновского времени. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков сокращений, источников и использованной литературы.

Во **введении** формулируется актуальность диссертации, ее цели и задачи, устанавливаются хронологические рамки и методология исследования. В источниковедческой части охарактеризованы основные и дополнительные источники, проанализированы ключевые биографические сведения об авторах оттоновского времени, политическая позиция каждого из оттоновских историографов, жанровые и стилистические особенности их сочинений. В историографическом разделе рассматриваются две группы исследований: работы, посвященные изучению средневековых политических ритуалов, а также исследования об историописании оттоновской эпохи.

Первая глава посвящена анализу описаний в оттоновской историографии актов инаугурации государей, включая как воспроизводившиеся раз за разом политические ритуалы, так и уникальные символические акты, более не повторявшиеся.

В первом разделе рассмотрены коронации, являвшиеся в Западной Европе важнейшими символическими актами инаугурации правителя вплоть до Нового времени. Коронации запечатлены в произведениях всех рассматриваемых авторов,

именно этот тип инаугурационных актов чаще всего упоминается оттоновскими историографами при повествовании об обретении королевской власти Людольфингами. Зачастую сцены коронаций играли ключевую роль в композиции сочинений, обозначая узловые пункты истории династии. Индивидуальные авторские интерпретации этих символических актов выражаются прежде всего через выделение или замалчивание тех или иных элементов церемонии, благодаря чему историографы указывали на главный, с их точки зрения, источник легитимации власти (поддержка государя светской или церковной знатью, преемственность по отношению к предшествующей династии, право наследования). Для большинства авторов характерно стремление показать, что все коронационные акты в период с 919 г. по 973 г. осуществлялись по схожей модели, чтобы подчеркнуть давнюю устойчивую традицию репрезентации власти Оттонов (в качестве главного прообраза для этих описаний, вероятнее всего, служила коронация Оттона II в Ахене в 961 г.).

Во втором разделе анализируются сцены обретения правителями инсигний или реликвий (вне рамок коронационных церемоний), в ряде случаев описывавшиеся оттоновскими историографами в качестве особых символических актов, дополнявших или даже заменявших коронации. Данные сцены относятся к периоду правления Генриха I, а упоминания о них авторами эпохи Оттона I связаны в первую очередь с мотивами наследования – Саксонской династии по отношению к Франконской и Каролингской или же сына по отношению к отцу. В свидетельствах об этих актах историографы соединяли мотив завещания королем своей власти на смертном одре, заимствованный из предшествующей традиции, представление о *traditio* как одном из ключевых составляющих церковной инаугурации, элементы *translatio* – церемонии переноса реликвий – и детали, относящиеся к собственно королевским коронациям.

Третий раздел посвящен анализу описаний актов инаугурации властителя на поле боя. Авторы оттоновской поры обращались к этому мотиву, повествуя о победоносных битвах, имевших решающее значение или считавшихся одержанными благодаря божественному вмешательству. Важнейшими из них являлись битва при Биртене 939 г., в которой Оттон I одержал верх над мятежниками, а также победы над венграми Генриха I в 933 г. при Риаде и Оттона I

в 955 г. при Лехе. В качестве своеобразных актов легитимации власти в сочинениях Лиутпранда и Видукинда представлены сцены молитвы государя перед реликвиями св. Креста в ходе самой битвы и провозглашения императора войском после сражения. Установление внутреннего и внешнего мира благодаря успеху государя-воителя осмысляется в этих свидетельствах как знак легитимации власти первых правителей Саксонской династии.

Во **второй главе** рассматриваются сцены встречи прибывающего в город государя, а также дипломатические церемонии и иные формы символической коммуникации государя с властителями-иноземцами. Эти категории символических актов объединяет между собой то, что они являются формой взаимодействия «своего» и «чужого» политического сообщества: горожане принимают прибывшего извне государя; государь принимает у себя посольские миссии из иных земель.

Первый раздел посвящен анализу описаний *adventus domini*, торжественного приема государя, въезжающего в город. Акты *adventus* сравнительно часто совершались в правление Оттона I, который много перемещался и по германским землям, и по Италии, однако сцены въездов привлекали внимание историографов лишь в отдельных случаях. Обычно эти описания были связаны либо с мотивом возвращения властителя из похода, либо с изображением подчинения государю жителей важнейших политических центров. Акт *adventus domini* мог выражать открытую или завуалированную враждебность подданных или же, напротив, их лояльность, быть формой чествования государя; государь, в свою очередь, мог выступать либо как милостивый, либо как гневающийся властитель, в образе либо Спасителя, либо Судии соответственно.

Во втором разделе рассматривается уникальный для оттоновской историографии пример описаний византийского дипломатического церемониала – свидетельства Лиутпранда Кремонского о двух его посольствах в Константинополь. Сообщения историографа показывают, что он имел представление о надлежащем порядке действий в ходе посольского приема, понимал распределение ролей между должностными лицами, участвовавшими в нем, был внимателен к специфическим деталям византийской символической коммуникации, отличавшимся от принятых в Италии. В то же время понимание

послом хода символических актов в константинопольском дворце не было полным, в своих действиях ему приходилось ориентироваться на указания византийских сановников, стратегией которых становилось постоянное «переиначивание» правил игры в зависимости от преследуемых ими целей. В восприятии Лиутпранда именно Византия представляла собой «символический центр» в том, что относится к дипломатическому церемониалу, и этот центр продолжал порождать и распространять новые смыслы, новые символические формы.

Третий раздел посвящен символическим актам, сопровождавшим контакты между властителями латинского Запада. Повествуя о них, оттоновские историографы зачастую описывали их не как дипломатические церемонии, проводимые по строгому протоколу, а как иные формы политико-символической коммуникации, прежде всего относящиеся к ритуалам вступления в вассальную зависимость или ее подтверждения. Лишь Лиутпранд, имевший опыт посла в Византии, идентифицировал элементы протокола и норм дипломатической коммуникации даже при рассказе о событиях на Западе. Большинство свидетельств оттоновских историографов показывает, что активное взаимодействие с внешними партнерами, особенно в период стремительного усиления Оттона I, стало новым явлением для Людольфингов, и язык символической коммуникации в этой сфере находился у них еще в стадии формирования.

В третьей главе анализируются символические акты разрешения конфликтов между государем и представителями различных сил, противостоявших ему как в Восточно-франкском королевстве, так и в Италии.

В первом разделе рассмотрены свидетельства историографов о т.н. *deditio* - актах демонстративного примирения государя с его непокорным вассалом, обычно на коленях публично молившим его о прощении. Акты *deditio* описаны прежде всего у Видукинда, Адальберта и Лиутпранда, поскольку именно эти три автора уделили наибольшее внимание выступлениям знати против королей из дома Людольфингов. Видукинд и Адальберт воспроизвели в своих свидетельствах образ Оттона I как государя, милующего бунтовщиков, что соответствовало обычному значению этого символического акта как формы соглашения между государем и вассалом, предполагающим обязательное проявление «милосердия» со стороны властителя. Напротив, необычной представляется интерпретация, данная

Лиутпрандом, который представил Оттона в ходе ритуала *deditio* в образе «гневающегося властителя», не упоминая о помиловании, даровавшемся кающемуся, и делая акцент именно на «символическом унижении» провинившегося.

Во втором разделе рассматриваются описания девеституры (низложения) римских пап. Данный тип символических актов был запечатлен в оттоновской историографии прежде всего в связи с конфликтом между Оттоном I и Святым престолом в 963-964 гг. и низложением понтифика Бенедикта V. В свидетельствах об этих событиях судебный и церковный ритуалы низложения незаконного папы осмыслялись как сцены репрезентации императора Оттона I и его торжества над политическими оппонентами. Однако в то же время авторам нужно было скрыть факты прямого вмешательства государя в дела Римской церкви и представить девеституру полностью легитимной. Авторский подход Лиутпранда к созданию образа законного развенчания папы императором выявляется при сопоставлении этого образа с его же свидетельством о так называемом «Трупном синоде», посмертной девеституре папы Формоза, описываемой Лиутпрандом как чудовищное преступление.

В третьем разделе анализируются описания актов покаяния государя. Свидетельства о «символическом унижении» властителя были сравнительно мало распространены в оттоновской историографии. Такой мотив прослеживается в двух эпизодах: в повествовании «Антаподосиса» о провозглашении королем Лотаря II в Милане в 945 г. и в рассказе «старшего» жития Матильды о покаянии Оттона I перед матерью в Гроне, в пер. пол. 940х гг. В обоих случаях акт «покаяния государя» представлен авторами в контексте, близком к иным политическим ритуалам, как часть коронационной (или – квази-коронационной) церемонии у Лиутпранда, или как подобие ритуала *deditio* – в агиографическом сочинении. Если покаяние Лотаря в интерпретации оттоновского историографа представлено как его подлинное унижение, повод для насмешки над незадачливым итальянским государем, то покаяние Оттона I предстает не только наказанием за прегрешение перед матерью, но и знаком его величия и благочестия, духовного преображения. По-видимому, во втором случае мотив «церковного покаяния» государя связан уже с обстоятельствами времени правления его преемника – Оттона II. Можно

предположить, что образ кающегося Оттона I здесь – своеобразное предвестие наступающей новой эпохи «позднеоттоновского» политического символизма, когда образ христианского государя мог становиться все более «амбивалентным», соединяющим в себе «величие и смирение». Пример с миланским покаянием Лотаря выразительно показывает, что образ кающегося государя использовался уже в эпоху Оттона I и связывался с глубокой исторической традицией: в описании символического акта вероятно присутствовали отсылки к сюжету о покаянии в 390 г. императора Феодосия (на основании этой параллели в работе предлагается уточнение датировки событий).

В заключении изложены основные выводы и обобщены результаты исследования.

Список источников содержит 31 позицию, список литературы – 440.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Историографами оттоновского времени описывались акты политико-символической коммуникации, относящиеся к различным периодам (от эпохи Меровингов до событий последних десятилетий), происходившие в различных регионах (в Восточно-франкском и Западно-франкском королевствах, Италии, Византии), с участием самих государей Саксонской династии и их подданных или иноземных властителей и представителей высшей знати. Авторами упоминались различные символические элементы, восходившие к франкскому, итальянскому, византийскому вариантам языка политико-символической коммуникации, причем истоки большинства описанных символических актов обнаруживаются еще в позднеантичном христианском политическом символизме. Однако основное внимание всех авторов было сосредоточено именно на политических реалиях современного им периода, годов расцвета могущества Оттона I, 950-х – пер. пол. 970-х гг., отчего многообразные символические элементы, относившиеся к другим регионам и эпохам успешно переосмыслились ими в важном для них актуальном контексте.

2. Описания актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени отображают репрезентацию власти периода утверждения на престоле молодой династии Людольфингов (не имевшей за собой давних традиций символической репрезентации королевской власти), а также стремительного восхождения Оттона I к новому, императорскому статусу. В связи с этим особую значимость в свидетельствах историографов приобретали описания трех групп актов политико-символической коммуникации: инаугурационных актов (как обоснование прав династии на трон), актов, связанных с контактами с иноземцами (знак внешнего признания могущества династии), актов разрешения многочисленных внутренних конфликтов, сопровождавших признание легитимности статуса Оттона I. Свидетельства историографов выразительно запечатлели процесс складывания новых форм политико-символической коммуникации, происходивший в первые десятилетия правления Саксонской династии и особенно с середины X в.

3. Описаниям сцен символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени отводилась особая роль. Зачастую они использовались авторами, чтобы выделить особенно значимый исторический эпизод; кроме того, через эти описания историографы нередко транслировали нужную интерпретацию событий. Они либо подчеркивали те или иные детали или обстоятельства, либо же, напротив, умалчивали о них, а в отдельных случаях даже «конструировали» в своих сочинениях символические акты, не имевшие места в действительности.

Оттоновские историографы применяли большое многообразие подходов к описанию, часто между ними велся своеобразный диалог, шла борьба интерпретаций; политические позиции авторов существенно отличались. Так, Лиутпранд Кремонский и Адальберт Магдебургский представили Оттона I как государя, обладающего безусловным превосходством над всей высшей знатью королевства. Чрезвычайно важен для них был мотив установления господства над Италией как пика могущества династии. В свою очередь, в символической репрезентации власти Людольфингов у Видукинда – ярко отразилось его представление об особой роли саксонской знати в становлении могущества династии и о «неримском» основании императорской власти Оттона I. В трех

других сочинениях особая роль в контексте символических актов отводится некоторым из представителей царствующего рода: супруге Оттона I Адальгейде – у Хросвиты Гандерсгеймской, его младшему брату Бруно – у Руотгера, его матери и среднему брату Генриху – в житии Матильды. Эти свидетельства отражают приверженность авторов к различным группам влияния в окружении государя.

Апробация исследования. Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях (выделены статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ):

1. ***Ануфриева А.С.* Молитва государя: роль короля в битве при Биртене в интерпретации Лиутпранда Кремонского // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 389. С. 128 – 132.**
2. ***Ануфриева А.С.* Образ гневающегося государя в контексте ритуала *deditio*: Оттон I в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2015. № 3. С. 3 – 19.**
3. ***Ануфриева А.С.* Мотив смирения государя в политических символических актах (по сочинениям оттоновских историографов) // Средние века. 2016. Вып. 77 (1 – 2). С. 119 – 151.**
4. ***Ануфриева А.С., Борисов Г.И.* Перевод «Донесения о посольстве в Константинополь» Лиутпранда Кремонского из фонда академика Ф.И. Успенского // Византийский временник. 2015. Т. 74 (99). С. 317 – 343.**
5. ***Ануфриева А.С.* Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2013. С. 5 – 8.**
6. ***Ануфриева А.С.* Рец. на кн.: Всего лишь символически? Итог и перспективы исследования символической коммуникации (символическая коммуникация в раннее Новое время) / Под ред. Б. Штольберг-Рилингер, Т. Ноя, К. Браунер. Кельн: издательство Бёлау, 2013. // Средние века. 2014. Вып. 75 (3 – 4). С. 440 – 444.**
7. ***Ануфриева А.С.* Лев VIII // Православная энциклопедия. Т. 40. М., 2015. С. 259 – 260.**
8. ***Ануфриева А.С.* Лиутпранд Кремонский // Православная энциклопедия. Т. 41. М., 2015. С. 300 – 302.**

9. *Ануфриева А.С.* Первое посольство Лиутпранда Кремонского в Константинополь: дипломатическая миссия или образовательная поездка? // Сборник тезисов XXXV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (готовится к публикации).

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на конференциях:

Международная школа молодых медиевистов The Dynamic Middle Ages, 7-9 октября 2014, Москва.

XXXV Всероссийская конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения», 2-4 декабря 2015, Санкт-Петербург.

Конференция «Ad fontes: актуальные проблемы источниковедения истории Средних веков и Раннего Нового времени», 5 декабря 2015, Санкт-Петербург.

Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016», 13-14 апреля 2016, Москва.

Международная школа молодых медиевистов The Dynamic Middle Ages, 26-30 сентября 2016, Дюссельдорф (Германия).